

Дайджест по корпоративному праву и М&А

• 1 МАЯ – 28 МАЯ 2026 ГОДА

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

1. Минюст РФ подготовил [законопроект](#), изменяющий процедуру предъявления кредиторами реорганизуемого юридического лица требований о досрочном исполнении обязательств

Законопроект подготовлен во исполнение поручения Правительства РФ от 2 апреля 2026 г. № ДГ-П13-11218 и направлен на реализацию [Постановления](#) Конституционного суда РФ от 24 марта 2026 г. № 17-П, о котором мы писали [ранее](#).

Документ предусматривает, что кредитор вправе потребовать предоставить ему обеспечение исполнения обязательства при условии, что реорганизация ставит под угрозу исполнение такого обязательства. Только в том случае, если в тридцатидневный срок реорганизуемое лицо не предоставило обеспечение или кредитор не согласился его принять, кредитор вправе потребовать досрочного исполнения соответствующего обязательства.

Законопроект предусматривает увеличение сроков для предъявления требования кредитора о досрочном исполнении обязательства: в течение шестидесяти дней с даты, когда было заявлено требование о предоставлении обеспечения. Напомним, что актуальная редакция статьи 60 ГК РФ предусматривает тридцатидневный срок с даты последнего уведомления о реорганизации юридического лица, в течение которого может быть предъявлено требование.

При этом требование кредитора не подлежит удовлетворению, если реорганизуемое юридическое лицо:

- предоставит кредитору независимую безотзывную гарантию, выданную кредитной организацией, кредитоспособность которой не вызывает обоснованных сомнений;
- предоставит кредитору иное обеспечение, в достаточной степени гарантирующее интересы кредитора на случай неисполнения обязательств перед ним; или
- докажет, что реорганизация не ставит под угрозу исполнение обязательств перед таким кредитором или что интересы кредитора в достаточной степени гарантированы уже имеющимся у кредитора обеспечением.

В настоящее время законопроект проходит независимую антикоррупционную экспертизу.

Комментарий ККМП:

Актуальная редакция пунктов 2 и 4 статьи 60 ГК РФ предполагает, что для реализации права требования досрочного исполнения обязательства достаточно самого факта реорганизации. При этом Конституционный суд РФ признал это положение частично не соответствующим Конституции РФ в той мере, в какой оно допускает возможность удовлетворения указанных требований без учета финансово-экономического состояния должника и без оценки того, привела ли (может ли привести) реорганизация, в связи с которой кредиторами заявлены указанные требования, к ущемлению их интересов, обусловливающему необходимость досрочного исполнения данных обязательств.

В развитие решения Конституционного суда РФ авторы законопроекта в пояснительной записке отмечают, что принятие законопроекта позволит учитывать фактические обстоятельства финансового положения реорганизуемого лица, в зависимости от которого кредитор получит право предъявить соответствующее требование.

При этом текущая редакция законопроекта создает пространство для интерпретации ряда вопросов. В частности, нераскрытым остается вопрос о том, каким образом должно происходить доказывание отсутствия угрозы неисполнения обязательства. Представляется, что при принятии законопроекта в новой редакции, взаимодействие кредиторов и реорганизуемых лиц (должников) почти полностью перейдет в формат судебных разбирательств, т.к. вопрос достаточности предоставленного кредитору обеспечения и (или) отсутствия угрозы правам кредитора при реорганизации в каждом случае может быть разрешен только путем судебного урегулирования.

Кроме того, документ содержит важное изменение в части того, какое именно обеспечение должно считаться достаточным в целях гарантии прав кредитора. Так, актуальная редакция пункта 4 статьи 60 ГК РФ предполагает, что достаточным обеспечением, при предоставлении которого кредитор не вправе требовать досрочного исполнения обязательства, является либо независимая безотзывная гарантия кредитной организации, либо иное обеспечение, принятое кредитором. Законопроект расширяет указанный перечень и предлагает считать достаточным обеспечением, в том числе, любое иное обеспечение, которое в достаточной степени гарантирует интересы кредитора на случай неисполнения обязательства вне зависимости от его принятия кредитором.

2. Госдума РФ приняла в третьем чтении законопроект о сроках исковой давности при приватизации

В соответствии с законопроектом предлагается дополнить:

- i. Пункт 2 статьи 196 ГК РФ формулировкой о том, что срок исковой давности не может превышать 10 лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, установленных Федеральным законом от 30 ноября 2010 г. № 327-ФЗ «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности»; и
- ii. Статью 217 ГК РФ – формулировкой о том, что срок исковой давности по искам об истребовании имущества, выбывшего из владения РФ, субъектов РФ и муниципальных образований в результате его приватизации, а также по искам о применении иных гражданско-правовых последствий нарушения требований законодательства о приватизации государственного и муниципального имущества во всяком случае не может превышать 10 лет со дня нарушения права. Суд отказывает в удовлетворении требования об истребовании приватизированного имущества, если после выбытия имущества из владения РФ, субъектов РФ и муниципальных образований истекло 10 лет со дня нарушения права.

Законопроект направлен на рассмотрение в Совет Федерации.

Комментарий ККМП:

С учетом неоднозначной судебной практики в отношении применения срока исковой давности к приватизационным искам законопроект призван уточнить, что срок исковой давности применяется к сделкам о приватизации и не может превышать 10 лет с момента приватизации. Законопроект предусматривает, что данное положение применяется, в том числе, к требованиям в отношении приватизационных сделок, состоявшихся до его принятия, если судебные решения по этим требованиям не вступили в законную силу.

3. В Госдуме РФ рассматривается законопроект, предполагающий уточнение статуса выбывших членов совета директоров («СД») в АО и ООО

Комитет Госдумы РФ по вопросам собственности, земельным и имущественным отношениям представил поправки к законопроекту и рекомендовал принять его во втором чтении в новой редакции.

Законопроект предполагает изменения, уточняющие статус выбывших членов СД:

i. Изменения в Закон об АО:

- определено понятие выбывшего члена СД и основания, по которым полномочия члена СД прекращаются досрочно (смерть, признание недееспособным / безвестно отсутствующим, дисквалификация судом, письменное заявление по собственному желанию и т.д.); и
- если это предусмотрено уставом, взамен выбывших членов СД общее собрание акционеров может избрать новых. При этом, по умолчанию не применяется кумулятивное голосование. Для утверждения нового кандидата требуется не менее 3/4 голосов акционеров-участников собрания, при условии, что «против» проголосовало менее 2% от всех голосующих акций общества.

ii. Изменения в Закон об ООО:

- по аналогии с регулированием для акционерных обществ, закреплен единый перечень оснований для признания члена СД выбывшим, также предусмотрена возможность закрепления порядка избрания новых членов СД взамен выбывших в уставе ООО.

4. Госдума РФ приняла в первом чтении законопроект о предоставлении владельцам привилегированных акций права требовать выплаты дивидендов в случае нарушения порядка выплаты дивидендов

Ранее в дайджесте мы подробно писали о внесении законопроекта в Госдуму РФ.

Напомним, что законопроект предлагает дополнить статью 43 Закона об АО новым положением, согласно которому акционеры привилегированных акций получают право требовать от общества выплаты дивидендов в размере, который причитался бы им в случае объявления обществом дивидендов с соблюдением установленной законом очередности их выплаты. Такое требование акционеры привилегированных акций вправе заявить в течение 3 месяцев со дня, когда они узнали или должны были узнать о принятом с нарушениями решении общества.

5. Продавец доли отвечает за недостоверные заверения о финансовом и имущественном состоянии общества независимо от своей осведомленности, принимая на себя риск несоответствия данных им заверений действительности

Истец (покупатель доли) обратился с иском к ответчику (продавцу доли) о расторжении договора купли-продажи доли в уставном капитале ООО, применении последствий недействительности в виде возврата ответчику доли, взыскании с ответчика денежных средств в размере двойного задатка, уплаченного по договору купли-продажи, а также процентов за пользование чужими денежными средствами.

Истец приобрел у ответчика 95% долю в уставном капитале ООО по договору купли-продажи от 5 сентября 2022 г. В договоре содержались следующие заверения: (1) совокупный объем любых обязательств общества перед третьими лицами (в т.ч. по обязательствам по уплате налогов) не превышает и не будет превышать 15 000 000 рублей; (2) ООО принадлежит и будет принадлежать имущество, перечисленное в приложении к договору купли-продажи; это имущество свободно и будет свободно от обременений, любых ограничений (кроме допустимых), в отношении этого имущества не заключено и не будет заключено никаких сделок, нет и не будет никаких незавершенных судебных споров, каким-либо образом касающихся этого имущества.

Договор купли-продажи предусматривал, что покупатель вправе отказаться от исполнения договора (с возвратом ему задатка), если будет выявлена недостоверность какого-либо из заверений продавца.

Истец заявил, что, вопреки данным ответчиком заверениям по состоянию на дату заключения договора, общество имело задолженность перед бюджетом в размере около 28 млн рублей¹. Соккрытие указанной информации ответчиком, который, по мнению истца, не мог не знать о наличии задолженности у общества по уплате налоговых платежей в сумме, превышающей 15 000 000 рублей, повлекло возбуждение дела о банкротстве общества по заявлению налогового органа. Производство по указанному делу было прекращено исключительно в связи с внесением участниками общества (в том числе истцом) дополнительных вкладов в уставный капитал общества.

1. Впоследствии налоговым органом была проведена проверка отчетности общества за предшествующие периоды, размер задолженности был увеличен до примерно 46 000 000 рублей.

Также после заключения договора истец выяснил, что часть недвижимого имущества общества (теннисный корт, указанный в приложении к договору купли-продажи) была продана третьему лицу. Заключение указанной сделки было одобрено ответчиком, что подтверждается соответствующим протоколом общего собрания участников ООО. В этой связи, по мнению истца, ответчик знал о заключении сделки, направленной на отчуждение имущества общества, однако скрыл данную информацию при заключении договора купли-продажи доли.

Истец также узнал, что ранее между обществом и третьим лицом был заключен договор о совместной деятельности, в соответствии с условиями которого общество приняло на себя обязательства самостоятельно за свой счет размежевать принадлежащий обществу земельный участок и безвозмездно передать один из вновь образованных земельных участков третьему лицу в долгосрочную аренду.

Таким образом, истец утверждал, что при заключении договора купли-продажи доли ответчиком были даны недостоверные заверения, вследствие чего у истца в силу положений договора купли-продажи доли, а также подп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ и ст. 451 ГК РФ возникло право на расторжение договора купли-продажи доли.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований, указав на то, что имеющимися в деле доказательствами не подтверждено наличие оснований для расторжения договора, предусмотренных ст. 450 и 451 ГК РФ. В частности, не доказано существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора. Суд отметил, что обстоятельства, приведенные истцом в обоснование заявленных требований, могут являться основанием для взыскания с ответчика убытков, уменьшения размера причитающейся ему выплаты, но не для расторжения договора.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции. Суд отметил, что (1) сумма задолженности перед налоговыми органами на момент заключения договора купли-продажи не превышала предусмотренного договором лимита, что подтверждалось справкой налогового органа, предоставленной ответчиком, а (2) информация о заключении договора купли-продажи теннисного корта до заключения договора купли-продажи доли была сообщена истцу, при этом сам договор купли-продажи теннисного корта у истца отсутствовал.

Также в обоснование своего решения суд апелляционной инстанции использовал аргумент ответчика о том, что 7 сентября 2022 г. третьим лицом было подано исковое заявление к обществу о государственной регистрации перехода права собственности на теннисный корт. Соответственно, на момент заключения договора купли-продажи доли от 5 сентября 2022 г., а равно на дату перехода доли в уставном капитале общества к истцу, истец должен был располагать вышеуказанными сведениями. Суд отметил, что истец имел возможность проверки финансового и имущественного положения общества перед заключением договора.

Суд кассационной инстанции отменил решения судов нижестоящих инстанций и направил дело на новое рассмотрение.

Во-первых, суд подчеркнул, что при отчуждении долей в уставном капитале хозяйствующего субъекта интерес продавца состоит в том, что он, предоставляя информацию в отношении характеристик общества и принимая на себя риск наступления неблагоприятных имущественных последствий несоответствия данных им заверений действительности, побуждает покупателя заключить сделку, которую в ином случае покупатель не совершил бы, либо совершил бы на иных ценовых условиях. Ответственность продавца наступает за объективный факт недостоверности заверений. При этом продавец доли, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности общества, по общему правилу, отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления таких нарушений независимо от того, было ли ему о них известно (абз. 2 п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49).

Во-вторых, материалами дела подтверждается, что на дату заключения договора в отношении общества проводилась налоговая проверка по периоду с 2016 г. по 2021 г., риски доначисления по которой стороны, действуя разумно и осмотрительно, должны были предусмотреть. Реальный размер налоговой задолженности был установлен только по окончании налоговой проверки в декабре 2022 г., в то время как договор купли-продажи заключен 5 сентября 2022 г.

Выводы судов о том, что продавец не отвечает за недостоверность заверения о наличии обязательств по уплате налогов и сборов, поскольку при его предоставлении руководствовался справкой налогового органа, сделаны без учета того, что включение в договор заверений должно рассматриваться как подтверждение добросовестности в части исполнения требований налогового законодательства.

Признавая не пройденным пороговое значение в 15 000 000 рублей, суды проигнорировали, что реальный размер задолженности по земельному налогу подтверждается решением налогового органа и определением суда от 15 августа 2024 г., а не справкой налогового органа, предоставленной продавцом в материалы дела.

Так, продавец долей в уставном капитале, давший заверения об отсутствии нарушений в деятельности общества, по общему правилу, отвечает перед покупателем за негативные последствия выявления соответствующих нарушений заинтересованными лицами, в том числе контролирующими органами, и не вправе выдвигать возражения, основанные на неизвестности ему фактов нарушений в деятельности юридического лица, отсутствии его вины в наступлении событий, произошедших после совершения сделки.

В-третьих, устанавливая на основании пояснений ответчика факт предварительного уведомления истца о сделке по купле-продаже теннисного корта, суды не устранили имеющиеся противоречия в процессуальной позиции ответчика, заключающиеся в отсутствии у него самого, а, следовательно, и у истца договора купли-продажи теннисного корта, а также цели последующего предоставления ответчиком заверения о принадлежности теннисного корта обществу.

В-четвертых, суды не дали должной оценки тому факту, что между обществом и третьим лицом был заключен договор о совместной деятельности и после заключения договора купли-продажи доли к обществу был предъявлен иск третьего лица о понуждении к исполнению договора о совместной деятельности.

Суд подчеркнул, что, при недостоверности предоставленного стороной договора заверения, другая сторона, полагавшаяся на имеющее для нее существенное значение заверение, наряду с применением указанных в ст. 431.2 ГК РФ мер ответственности, вправе отказаться от договора (ст. 310 и 450.1 ГК РФ), если иное не предусмотрено соглашением сторон.

В данном случае договором купли-продажи предусмотрено право покупателя на отказ от договора в случае выявления недостоверности какого-либо из заверений продавца. Выводы судов об отсутствии существенных нарушений со стороны ответчика сделаны без оценки обстоятельств дела.

Постановление Арбитражного суда Московского округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

Данное дело представляет интерес, поскольку суд отходит от традиционного для российской судебной практики акцента на жестком стандарте должной осмотрительности покупателя. Суд кассационной инстанции подчеркивает, что при отчуждении долей продавец несет ответственность за объективную недостоверность данных им заверений независимо от его фактической осведомленности о нарушениях или наличия вины, руководствуясь позицией, закрепленной в абз. 2 п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 (данная позиция неоднократно воспроизводилась как СКЭС ВС РФ, так и АС МО). Вероятнее всего, суд не стал погружаться в вопрос, что должен был сделать покупатель для выявления недостоверности заверений, т.к. продавцу наверняка было известно о некоторых нарушениях заверений, а обстоятельства, влекущие недостоверность иных заверений, не могли быть выявлены разумным покупателем до сделки.

Риск несоответствия данных заверений действительности возлагается на продавца, который побуждает покупателя к сделке, что позволяет покупателю расторгнуть договор и вернуть задаток даже в ситуациях, когда формально у него была возможность проверить информацию, но продавец принял на себя безусловную ответственность за ее достоверность.

Интересным, с практической точки зрения, также представляется, что суд отказался признавать налоговую справку абсолютным основанием для освобождения продавца от ответственности, указав, что данный документ лишь фиксирует текущее налоговое состояние на основе сведений, предоставленных самим налогоплательщиком (обществом, контролируемым продавцом), и не гарантирует отсутствия скрытых рисков, таких как доначисления по результатам проверки. Поскольку продавец находился в более выгодном информационном положении и имел возможность влиять на формирование этих данных, предоставление справки не снимает с него обязанности отвечать за несоответствие данных им заверений действительности.

6. Генеральный директор может быть привлечен к солидарной ответственности с бывшим директором за убытки, причиненные обществу бывшим директором, если действующий директор, зная о нарушениях предыдущего, не предпринял действий по привлечению его предшественника к ответственности

Истцы (ООО и участник ООО, действующий в качестве представителя ООО) обратились с иском к ответчику 1 (бывшему генеральному директору ООО) и ответчику 2 (новому генеральному директору ООО) о взыскании солидарно в пользу общества убытков и процентов за пользование чужими денежными средствами.

В период с 2021 по 2022 г., будучи единоличным исполнительным органом, ответчик 1 незаконно перечислял денежные средства со счета общества себе без экономического обоснования. В частности, им были получены средства, не подтвержденные документами; осуществлен необоснованный возврат займа по договору с обществом, который не был надлежащим образом оформлен. Ответчик 1 отметил, что указанные выплаты являлись оплатой труда, что противоречит данным налоговой отчетности, поданной новым директором.

Позднее ответчик 2 вступил в должность генерального директора ООО и принял на себя обязанности по ведению бухгалтерского учета. Основанием для переизбрания генерального директора послужило расхождение данных, представленных ответчиком 1 в промежуточном отчете за 2022 г. по состоянию на дату проведения собрания, с фактическим финансовым состоянием ООО. Соответственно, ответчик 2 знал о наличии таких расхождений, в частности, о крупной задолженности ответчика 1 перед обществом. Однако ответчик 2 не предпринял своевременных мер по взысканию убытков с бывшего генерального директора через суд. Также директор не обеспечил передачу бухгалтерской документации участникам общества, что затруднило взыскание долга с ответчика 1.

Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования, установив, что оба директора действовали недобросовестно и неразумно. Ответчик 1 причинил прямой действительный ущерб обществу, а ответчик 2 – не выполнил обязанности по защите интересов общества и своевременному инициированию споров о возмещении убытков, что повлекло солидарную ответственность обоих лиц.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции. При этом суд подчеркнул, что неправомерные действия ответчика 2 выразились в том, что при длительном и самостоятельном ведении бухгалтерского учета, осуществлении обязанностей единоличного исполнительного органа, он не предпринял необходимых и зависящих от него мер, направленных на истребование денежных средств у ответчика 1. О неправомерном получении ответчиком 1 денежных средств ответчику 2 было достоверно известно.

Суд кассационной инстанции подтвердил выводы нижестоящих судов в части состава правонарушения ответчиков и основания для солидарной ответственности, но не согласился с выводами судов в части, касающейся расчета процентов.

Постановление Арбитражного суда Московского округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

Указанное дело иллюстрирует строгий подход судов к оценке добросовестности и разумности действий единоличных исполнительных органов ООО, применяя механизм солидарной ответственности по ст. 53.1 ГК РФ не только за причинение обществу прямых убытков путем вывода денежных средств, но и за системное бездействие. Суды установили, что бывший генеральный директор незаконно распоряжался активами общества, а в отношении действующего директора акцент сделан на нарушении обязанностей по управлению и контролю: он самостоятельно вел бухгалтерский учет, был в курсе задолженности предшественника, но упустил годичный срок для обращения в суд по ст. 392 ТК РФ и не обеспечил надлежащую передачу дел, что лишило общество возможности своевременного взыскания убытков.

Такая совокупность фактов позволила судам признать поведение обоих руководителей недобросовестным и неразумным и применить правило о солидарной ответственности.

7. Действие доверительного управляющего в интересах только одного из бенефициаров может свидетельствовать о злоупотреблении правом

Истец (участник общества) обратился в суд с иском к ответчику (обществу) о признании недействительным решения об утверждении устава общества в новой редакции и о признании недействительной записи в ЕГРЮЛ о внесении изменений в устав.

После смерти наследодателя, владевшего 100% долей в уставном капитале общества, наследниками его имущества по завещанию стали сыновья наследодателя, Р. (51% доли) и Б. (49%). Нотариус учредил доверительное управление наследственным имуществом, доверительным управляющим назначен Б. Через три недели Б. (как доверительный управляющий) принял решение единственного участника о назначении себя генеральным директором общества, о чем внесена запись в ЕГРЮЛ.

Через год в ЕГРЮЛ были внесены сведения о регистрации устава общества в новой редакции, принятой на основании решения единственного участника общества в лице доверительного управляющего.

Истец обратился в суд с иском о признании недействительными указанного решения и принятой новой редакции устава, в связи с тем, что данные положения устава нарушают его права и законные интересы как участника общества. Так, в соответствии с новой редакцией устава был увеличен порог принятия общим собранием участников решения об избрании единоличного исполнительного органа (с простого большинства до единогласия), генеральный директор общества при этом избирается на неограниченный срок. Таким образом, в условиях корпоративного конфликта, истец, даже обладая большей долей (51%), не смог бы повлиять на назначение генерального директора.

Суд первой инстанции удовлетворил требования истца. Суд отметил, что права доверительного управляющего ограничены интересами выгодоприобретателей, он не вправе осуществлять управление переданным ему имуществом в интересах кого-то конкретно из выгодоприобретателей. Не допускается осуществление гражданских прав с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом) (ст. 10 ГК РФ).

Недопустимость злоупотребления правом заключается, в частности, в том, что контролирующий участник (акционер) не вправе использовать предоставленные ему законом или уставом полномочия для принятия решений, которые направлены исключительно к его собственной выгоде без учета разумного корпоративного интереса гражданско-правового сообщества участников общества или которые приведут к существенному ущемлению прав других участников.

Суд апелляционной инстанции оставил решение суда первой инстанции без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения.

Суд отклонил довод Б. о том, что на момент подачи иска у истца отсутствовало свидетельство о праве на наследство, а значит, иск не мог быть заявлен. В состав наследства участника общества с ограниченной ответственностью входит принадлежащая ему доля в уставном капитале общества. Принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия, а также независимо от момента государственной регистрации права наследника на наследственное имущество. Соответственно, момент возникновения у истца статуса участника общества, и, как следствие, прав на участие в управлении делами общества, обуславливается днем открытия наследства.

Суд кассационной инстанции оставил решения судов первой и апелляционной инстанций без изменения, кассационную жалобу – без удовлетворения.

Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа см. [здесь](#).

Комментарий ККМП:

Рассмотренное дело иллюстрирует фидуциарный характер отношений доверительного управляющего и бенефициаров. Даже когда доверительный управляющий является одним из бенефициаров, он не вправе действовать в своих интересах, игнорируя интересы остальных бенефициаров. Примечательно, что в данном случае ни суды, ни истец не рассматривали возможность признания спорного решения недействительным по процедурным аспектам – аргументация судов основывалась исключительно на положениях о добросовестности и злоупотреблении правом.

Также подчеркивается, что моментом возникновения у наследника прав на участие в делах общества является день открытия наследства. Следовательно, даже до момента получения свидетельства о праве на наследство и государственной регистрации соответствующих изменений, доверительный управляющий должен принимать решения с учетом прав участников общества, в частности, информировать участников в установленном порядке о планируемых изменениях в обществе, о проведении общего собрания участников и его повестке дня и т.д.

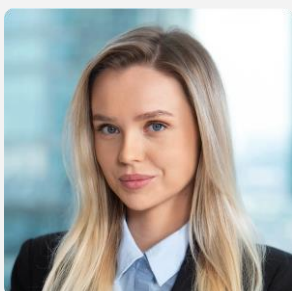
МЫ БУДЕМ РАДЫ ОТВЕТИТЬ НА ВАШИ ВОПРОСЫ ПО ДАННОЙ ТЕМАТИКЕ

Валериан Мамагеишвили

Советник

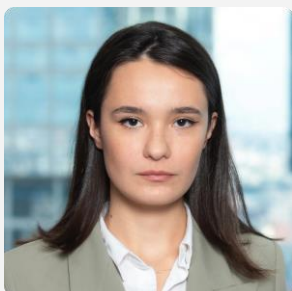
Valerian.Mamageishvili@kkmp.legal

Виктория Бигарова

Юрист

Victoria.Bigarova@kkmp.legal

Александра Черных

Юрист

Alexandra.Chernykh@kkmp.legal